

Зменшувально-емоційні іменники з позитивним забарвленням складають у кіноповідях значну' групу слів, що творяться за допомогою суфіксів *-еньк-, -оньк-, -ок-, -ечк-, -очк-, -очок-, -ячк-:* *козаченьки* [106], *серденько* [246], *дівчинонька* [130], *голубонька* [184], *зимонька* [186], *містечко* [66], *дядечко* [218], *колосок* [33], *дідок* [132], *дудочка* [116], *Савочка* [111], *синочок* [53], *садочок* [151], *насінячко* [221], *лататтячко* [174] та ін.

У назвах істот, зокрема людей, переважає експресивно-емоційна оцінність, а в назвах неістот може виражатися як реальна зменшеність предмета, так і позитивна оцінка його: *грушка* [58], *хмарка* [81], *торбинка* [65], *хмаринка* [58], *крапелька* [95], *горбок* [232], *словничок* [243], *кружечок* [138], *пучечок* [208], *Василик* [157], *хрестик* [116]. У таких похідних можливі чергування голосних, приголосних у корені: *доріженька* [131], *грабельки* [60], *ніжки* [32], *борідка* [87], *макітерка* [65], *таночок* [87], *книжечка* [107], *волики* [63], *дворик* [32], *коник* [116], чергування *о П 0* при зміні слів із суфіксом *-очок:* *місточок* [102], *рядочок* [118].

Суфікси *-ок-, -ечок-, -ечк-, -очк-* та ін. утворюють форми суб'єктивної оцінки, що виражають різноманітні відтінки, зв'язані зі ставленням мовця до певного предмета або особи.

Малопродуктивними афіксами, що несуть па собі негативне забарвлення, є суфікси *-ун-, -юк-, -юг-* *брехун* [61], *звірюка* [200], *падлюка* [133], *собацюга* [213], *катюга* [170].

Відмітна риса кіноповістей О.Довженка - наявність просторічних слів з яскравою експресивністю. Її виразність інтенсифікується словотворчими засобами: *хвалько* [60], *селюк* [63], *куркуляка* [72], *смалятина* [190], *мужва* [84], *рубака* [231], *мурляка* [115], *горлянка* [116], *ледащо* [133], *глупак* [164], *п'ятірня* [139].

Отже, розгляд словотвірного аспекту⁷ кіноповістей О.Довженка свідчить про високу⁷ мовну майстерність письменника. Автор спирається на загальнонародні мовні традиції, народне мовне багатство. Словотвірні засоби в творах митця накладають відбиток на індивідуальний стиль письменника.

Summary

*The noun prefixation is one of the most frequently used and productive ways of forming new words based on the prefix + Noun and prefix + Adjective patterns. The article investigates synonymic inten*elation of the noun suffixes in different semantic groups.*

Кажан В.И.

канд. филол. наук, доцент

Калинина Р.П.

канд. филол. наук, доцент

ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ТЕРМИНОВ В ЯЗЫКЕ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

У статті ведуться спостереження за функціонування науково-технічних термінів у мові фантастичної літератури. Наголошується на семантичних перетвореннях термінів: від появи емоційно-експресивного забарвлення до розвинення

нового переносного значения.

Начало XX в. ознаменовалось появлением в русской литературе нескольких произведений, относящихся к жанру научной фантастики. Авторы их - хорошо известные читателям Брюсов ("Восстание машин" - 1), А.Куприн ("Жидкое солнце" - 5), А. Толстой ("Аэлита", "Гиперболоид инженера Гарина" - 8).

Научно-фантастическая проза В.Брюсова, А.Куприна, А.Толстого положила начало роману'-преду преждению в русской литературе. Заглядывая в будущее писатели-фантасты не только искали дороги к свершениям науки и техники, но и указывали современникам на опасные тупики, на тревожные тенденции, грозящие перерасти в катастрофу.

Специфическая тематика научно-фантастической НФЛ приводит к актуализации огромного количества терминов, особенно из областей физики, биологии, космонавтики, астрономии, ракетной техники и т. д. В научно-фантастических произведениях стилистическим средством является сам специфический выбор темы, как правило, - деятельность людей в той или иной отрасли науки и техники.

Анализ языка НФЛ позволяет говорить о многообразии функционального использования терминов. Выделяются две группы терминов: термины, использующиеся в прямом значении (в основной своей номинативной функции), и термины, употребляющиеся в переносном значении.

Термины в прямом значении употребляются в двух основных формах: без разъяснений и с раскрытием их содержания. Без каких-либо пояснений употребляются: а) широко известные термины и б) научные термины, которые в художественных произведениях выполняют функцию непосредственного изображения действительности, называя технические реалии, процессы, свойства, например; *...присмотритесь - вот кнопка электромагнитной катушки. В каждом из цилиндров есть притертая втулка, и около каждой из них стальная полоса, обмотанная проволокой. Раз. Я нажимаю кнопку и ввожу ток. Все поносы мгновенно намагничены, и втулки вышли из своих гнезд* [5, с. 406].

У А.Н.Толстого находим: *Весь секрет в гиперболическом зеркале (А), наполняющем формой зеркало обыкновенного прожектора и в кусочке шамонита (В), сделанном также в виде гиперболической сферы. Закон гиперболических зеркал таков: лучи света, попадая на внутреннюю поверхность гиперболического зеркала, сходятся все в одной точке, в фокусе гиперболы* [8, с. 227—228].

При таком употреблении научно-техническая лексика включается в смысловые связи и отношения со словами общеупотребительной речи, и поэтому отпадает необходимость пояснять или толковать термины науки и техники.

В ряде случаев слова и выражения научно-технической сферы нуждаются в комментарии, как например, принцип действия гиперболоида инженера Гарина: *Лучи, собираясь в фокусе зеркала (А), попадают на поверхность гиперболоида (В) и отражаются от него математически параллельно, — иными словами, гиперболоид (В) концентрирует все лучи в один луч, или в "лучевой шнур"³ любой толщины* [8, с. 228].

Реже содержание термина раскрывается с помощью образного выражения: ...

*сейчас мы с вами, во имя славы и радости будущего человечества, озарим весь мир солнечным светом, сгущенным в газ. Алло! Зажгите **стопин**. Быстро **побежала вверх огненная змея пороховой нитки** и скрылась вверху над нами...* [5, с. 421].

В словаре термин *стопин*, заимствованный из итальянского языка, толкуется так: “Шнур, пропитанный легковоспламеняющимся веществом, служащий в пиротехнике для быстрой передачи огня”⁵ [6, с. 275].

Таким образом, автор логическое содержание понятия подменяет эмоционально-эффективным, художественно-изобразительным.

Термины могут включаться в речь персонажей, и тогда они оттеняют социально-речевые особенности действующего лица, например, бывшего красноармейца Гусева, мечтающего о победе революции и на Марсе: - *Вы, товарищ, целый час чепуху несете, - перебил Гусев, - вот вам диспозиция на завтра: вы объявите Марсу, что власть перешла к рабочим.. Требуйте безусловного подчинения. А я подберу молодых и всем **флотом** двину прямо на **полюсы**, захвачу **электромагнитные станции**. Немедленно начну **телеграфировать** Земле, в Москву, чтобы слали нам подкрепление как можно скорее. В полгода они **аппараты** построят, и лететь всего...* [8, с. 117].

Следовательно, объединение разностилевых лексических единиц в одном контексте служит достижению комического эффекта и помогает передать авторскую иронию.

Процесс активного перемещения терминологической лексики в сферу общелитературного и образного применения, начавшийся в 30-40-х гг. XIX в., продолжает развиваться и в языке начала XX в. Этот процесс обусловлен как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, в частности развитием всех отраслей наук, увеличением роли промышленного производства в жизни общества и т. д. Как отмечает В.В.Виноградов, ⁴“тут ярко и наглядно обнаруживается связь развития и языка, его лексической системы с историей материальной и духовной культуры народа” [2, с. 6].

Действительно, как показывают наблюдения, терминология становится практически неисчерпаемым резервом для пополнения метафорических, образных средств языка.

Функционирование терминов - нейтральных единиц, абсолютно и относительно однозначных, независимых от контекста, в неспециальной сфере, может привести к изменению их основного назначения - быть наименованием специальных понятий, а следовательно, и к изменениям содержательным, экспрессивно-эмоциональным и функциональным.

Рассмотрим все вышесказанное на конкретных примерах.

Термины могут использоваться в тексте в прямом значении, но оно может осложняться эмоционально-экспрессивными элементами: уменьшительно-ласкательными суффиксами и контекстом, например: *Будущее человечества зависит от того, сможем ли мы овладеть ядром атома, **частичкой материальной энергии**, величиной в оду стобиллионную сантиметра* [8, с. 213]; *Теперь пускаю в действие этим медным рычагом в действие воздушный всасывающий насос... Мельчайшая пыль, **микроскопические соринки**, выкачиваются вместе с воздухом* [5, с. 406]; ***Крошечный моторчик** питался крупинками белого металла, распадающегося с чудовищной силой в*

присутствии электрической искры [8, с. 90].

Наблюдения показывают, что расширяется круг сочетаемости терминов. Существенное влияние на характеристику терминов в тексте оказывают прилагательные и существительные. Прилагательные могут подчеркивать наиболее существенные признаки терминов: *шестикрылый сверкающий*

корабль, контрольный экран, матовое зеркало (телевизор) и др.

Отразить индивидуально-авторское восприятие действительности помогают прилагательные-эпитеты: *нежный винт, очкастый шлем, дикие звезды* и др.

Кроме того, в контексте происходит взаимовлияние терминов с конкретными и абстрактными существительными. Показательным для языка научно-фантастической прозы А.Толстого является образное использование естественнонаучной лексики: *ребра сводов, суставы машин, пирамиды домов, сердце атома* и т. п. Ср.: *По сведениям моих агентов в городе и стране нет достаточных мускулов для сопротивления* [8, с. 94].

Ю.С.Сорокин отмечает, что такие слова, как *система, сустав, микроскопический, болезнь, пустоцвет* и др., хотя и толкуются в словарях середины XIX в. только как специальные термины, однако в литературе этого периода употребляются нетерминологически [7, с. 152].

А. Толстой продолжает традицию метафорического употребления терминов.

В результате расширительного употребления терминов разных областей знания они приобретают переносные значения, отраженные толковыми словарями русского языка. Так, слово *сердце* детерминологизируется и получает более широкое, переносное, обобщенное значение "центр, главная часть чего-либо" [6, с. 80].

Развитие переносного значения отражается на синонимических отношениях лексических единиц: термин, как правило, не имеет синонимов. Но детерминологизация способствует раздвижению границ синонимического ряда, придавая ему подвижность, и в этом можно видеть одно из проявлений влияния терминологии на общеупотребительный язык, например: *сердце атома*, т. е. ядро атома.

В проанализированных текстах существенную роль в изменении эмоционально-экспрессивной окраски терминов играют олицетворения, с этой целью чаще всего используются глаголы: *Город был охвачен тревогой. Бормотали, мигали зеркальные телефоны* [54, с. 91]; *Поезд огненной лентой ныряет под свод подземелья* [54, с. 179].

Активное включение научно-технических терминов в образную ткань произведения приводит к созданию обобщенно-символических образов, поэтических сравнений и метафор. Научный термин может участвовать в создании образа, являясь элементом художественного сравнения. Использование терминов в художественном сравнении может быть двух типов - термин выступает либо в качестве обозначаемого, либо в качестве обозначающего.

Стилистическая функция терминов в этих случаях различна. В сравнениях первого типа обычно научное понятие характеризуется через бытовое, обыденное, в результате чего термин принимает окказиональные оттенки значения, семы, определяющие специфику его значения как термина отодвигаются на задний план: *солнечный свет есть плотный поток страшно малых, упругих тел, вроде мячиков, которые со страшной силой и энергией несутся в пространство, пронизывая в своем стремлении массу мирового эфира* [8, с. 404].

Одно время тьму прорезывала светящаяся линия. Скоро она побледнела, погасла. Это были астероиды - маленькие планеты бесчисленным роєм вьющиеся вокруг солнца [54, с. 134].

В сравнениях второго типа наблюдается другое противопоставление хорошо всем известное понятие характеризуется через специальное, тем самым в нем раскрываются

такие оттенки значения, которые не мыслились вне данного контекста. Ср.: *Три параллельные ярко-золотые полосы, пюнкие, как телескопические паутинки, ... пересекали гладкую поверхность зеркала [5, с. 407]; ...через год мы наполним громадные резервуары жидким и густым, как ртуть, золотым солнцем и заставим его светить нам и греть нас и еще приводит в движение все наши машины [5, с. 421].*

Образное употребление терминологии может выражаться также в метафорическом переосмыслении терминов. Метафоры, возникшие на основе научной лексики, органически входят в языковую ткань научно- фантастической прозы, например: *Солнце закатилось невдалеке за драконовый хребет скал. Яростная кровь заката полилась в высоту, в лиловую тьму [8, с. 106].*

Наблюдения показывают, что на базе терминов возникают образные картины, в создании которых используются и др. стилистические средства: *В человеке дремлет самая могучая из мировых сил - материя чистого разума. Подобно тому, как стрела, натянутая тетивой, направленная верной рукой, поражает цель, - так и материя дремлющего разума может быть напряжена тетивой воли, направлена рукой знаний. Сила устремленного знания безгранична [8, с. 86].*

Для творческой манеры В.Брюсова в основном характерно использование терминов в прямом значении, так прилагательное электрический и его дериваты можно отнести к числу ключевых лексем: они встречаются и в поэзии, в прозе. Писатель отмечает как созидательную, так и разрушительную силу этого рода энергии. В "Восстании машин" разрушительная сила электричества представлена в таких традиционных поэтических образах, как гром и молния: *Теперь по разным догадкам стараются восстановить адски- фантастическую сцену, разыгравшуюся в огромных подземных залах. Станции: ливни внезапно хлынувших молний, целый попуск электрических разрядов, грохот, подобный миллиарду громов, ударявших одновременно, сотни и тысячи людей, - инженеров, помощников, рядовых рабочих, - падающих обугленными [1, с. 371].*

В приведенных нами примерах общим является поэтическое переосмысление терминов. Яркий художественный эффект основан на целой цепи олицетворений, метафор, сопоставлений, которыми обрастают термины.

Наряду с устоявшимися понятиями и терминами писатели-фантасты часто используют новые, придуманные ими, ведь каждый фантаст стремится стать изобретателем или первооткрывателем так же, как и в науке.

Употребление вымышленных терминов - одна из характерных лексических особенностей НФЛ. Создавая индивидуально-художественные миры, моделируя будущее, прогнозируя научно-технические достижения, писатели стоят перед выбором: какое имя дать предмету или явлению, которых еще нет в действительности. Новые слова во многом будут способствовать созданию колорита будущего, и в этом их функция будет близка к функции узкоспециальных терминов: узкоспециальные термины создают мир, неизвестный нам, а вымышленные - мир будущего. Предсказания фантастов воплощаются в жизнь, а созданные ими термины-неологизмы получают права гражданства. Многие понятия стали в фантастике общепринятыми. Их используют писатели разных стран. Они узаконены в современной фантастике в не меньшей степени, чем в современной науке. Это, например, такие научные понятия, как *всемирное тяготение, естественный отбор, периодический закон*. Речь идет о терминах

фантастики: *машина времени, ситуация Франкенштейн, робот* и др.

Проследим эти тенденции на конкретных примерах.

Ситуация Франкенштейн - термин, которым обозначают случаи, когда творения рук человека выходят из-под его контроля, получивший свое название по фамилии героя романа “Франкенштейн, или современный Прометей”, написанный Мэри Шелли (женой известного английского поэта) еще в 1818 г. Франкенштейн создал искусственное подобие человека, подобие чудовищное, наделенное примитивным разумом и низменными страстями. Любопытно, что сейчас *Франкенштейнами* нередко называют не создателей роботов, а самих роботов.

Термин *робот*, ставший интернациональным, был заимствован из чешского языка (факт почти беспрецедентный: большинство иностранных слов образуется от греко-латинских корней) [3, с. 40]. В 1920 г. К. Чапек написал научно-фантастическую пьесу “Р.У.Р.”, когда кибернетических роботов не существовало в действительности, он назвал их “искусственными рабочими” и использовал одно из значений чешского слова *робот* - “барщина, барщинный труд”, а в переносном смысле - тяжелый труд.

Со страниц пьесы термин *робот* проник в мировую литературу и стал базовым словом обширного словообразовательного гнезда: *роботостроение, роботизация, робототехника, роботопсихология* и т. п. Последние два слова были созданы писателем-фантастом А. Азимовым в рассказе “Я - робот”.

Наблюдения показывают, что в русской НФЛ также есть вымышленные термины, которые были образованы путем придания нового значения существующему слову или созданы по действующим словообразовательным моделям. Например: аппарат, созданный Гариным, называется *гиперболоид*. В современном русском языке это слово имеет одно специальное значение математического термина. Современное название аппарата Гарина *лазер*. Тепловые лучи, получаемые с помощью гиперболоида. Толстой называет *лучевой шнур* (впоследствии - *лазерные лучи, лазер*). Ср.: *Энергия пирамидок настолько уже велика, что, помещенные в аппарат... и зажженные (горят около пяти минут), они дают ‘лучевой шнур’, способный в несколько секунд разрезать железнодорожный мост* [8, с. 228].

В последние десятилетия XIX в. и в начале XX в. русским языком из французского были заимствованы термины авиации и воздухоплавания: *аэротан, авиатор, пилот, пропеллер, дирижабль* и др.

Интересно, что летная терминология на первых порах использовала элементы других терминологических систем, чаще всего морскую лексику: *корабль, пилот, пилотаж, скафандр* и др. Из лексикографических источников мы узнаем, что *пилот* - “лоцман, проводник”, *пилотаж* - “вколачивание свай” [4, с. 714].

Слово *скафандр* как название индивидуального герметического снаряжения использовалось в начале XX в. водолазами. На это указывает и происхождение слова, которое произошло из греческого - “лодка + человек”. Но в XX в. сфера деятельности этого слова расширяется, и ему придается значение “герметическое снаряжение вообще”. В повести А. Куприна “Жидкое солнце” находим тому подтверждение: *Мы обращаем всю нашу лабораторию в безвоздушный колокол. Поэтому со временем мы будем работать в водолазных скафандрах* [5, с. 406].

А. Толстой в романе “Аэлита” употребляет слово *скафандр* в значении “защитное снаряжение авиатора, космонавта”. Ср.: *Скайлс увидел... полки с оптическими и*

измерительными инструментами; скафандры, горки консервов, меховую одежду¹; телескоп... [8, с. 12].

Проблема наименования для космического корабля стояла и перед А. Толстым. В романе “Аэлита” мы отмечаем такие названия, как *междупланетный корабль, ракета, яйцо, аппарат*. Но чаще всего писатель использует общенаучный термин *аппарат* и общеупотребительное слово *яйцо*: *Аппарат мчался по касательной, против вращения Земли* [8, с. 26]; *Лось и Скайлъс подошли к лесам, которые окружили металлическое яйцо. На глаз Скайлъс определил, что яйцеобразный аппарат был не менее восьми с половиной метров высоты и шести метров в поперечнике* [8, с. 12].

Слово *ракета* встречается в романе дважды: как номинативное средство и как образное: *Таков в общих чертах принцип действующего механизма: это была ракета* [8, с. 14]; *Взрывы слились в сплошной вой и четырехсаженное яйцо, как ракета, взвилось над толпой* [8, с. 26].

Слово *ракета* пришло в русский язык в XIX в., в языке-источнике (итальянском) это уменьшительное от *госса* - веретено. Слово *ракета* имело прозрачную внутреннюю форму и обозначало “снаряд для световых сигналов и фейерверков” [9, с. 350], значение “летательный аппарат с реактивным двигателем” появилось значительно позднее [9, с. 350]. А. Толстой одним из первых в русской литературе использует термин пиротехники *ракета* для наименования летательного аппарата, космического корабля.

А. Толстой активно использует семантический способ терминообразования для наименования деталей космического корабля: *горло, глазок, пояс, буфер, тормоз, окуляр, люк* и др. Писатель дает название и летательным аппаратам марсиан, действующих по принципу вертолета: *крылатое седло, крылатая лодка, крылатая галера, военный корабль, парящая стрекоза* и др.

С помощью нового способа словообразования - аббревиации - писатель создает слово *морском* (ср.: *военком*): *Лихорадка что ли у вас, Мстислав Сергеевич? Чего уставились. Говорю, летим, все готово, я вас хочу **марскомом** объявить. Дело чистое* [8, с. 98].

В романе Толстого “Аэлита” писатель-фантаст образно описывает состояние невесомости, сам термин появится в языке несколько десятилетий спустя: *Он обернулся, отделился от стены и повис в воздухе, раскорячился лягушкой и, ругаясь шепотом, силился приплыть к стене. Лось отделился от пола и тоже повиснул, держась за трубку глазка...* [8, с. 29].

А. Куприн использует морфологический способ - сложение двух слов - для наименования не существующих в технике приборов: *солнцеприемник, луче собиратель*.

Таким образом, прослеженный нами в языке фантастики начала XX в. путь семантического преобразования научно-технических терминов: от номинативного употребления с целью создания необходимого колорита через метафору, олицетворение, сравнение, изменяющих структуру терминов, к полной детерминологизации, снимающей специальную окраску и ослабляющей связь с исходным терминологическим значением, - отражает общую тенденцию к обогащению литературного языка профессиональными словами, что связано со своеобразной технизацией мышления, начавшейся еще в XIX в.

Список использованной литературы

1. Брюсов В.Я. Огненный ангел. Роман, повести, рассказы. - СПб.: Энтар, 1993.-486 с.

2. Виноградов В.В. Вступительное слово // Вопросы терминологии. - М.: МГУ, 1961.-С. 3-19.
3. Владимиров С.В. Терминология научной фантастики //Русская речь. - 1968. -№4. - С. 38-44.
4. Лексика русского литературного языка 19 - начала 20 века. — М.: Наука, 1981.-359 с.
5. Русская фантастическая проза 19 - начала 20 века. - М.: Правда, 1989. - 478 с.
6. Словарь русского языка. - М.: Русск. яз., 1981. - Т. 1. - 719 с.
7. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка **30-90 гг. 19 в. -М. —Л.: Наука, 1965. - 565 с. '**
8. Толстой А.Н. Аэлиа. Гиперболоид инженера Гарина. - К.: Веселка, 1978. - 399 с.
9. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. - К.: Рад. шк., 1989.-511 с.

Summary

The article investigates scientific technical terms from the point of view of their functioning in the language of fantastic literature. The emphasis is given to semantic changes of terms: acquiring an emotive and expressive coloring as well a new derived meaning.

О.Б.Каневская

канд. педагог, наук, доцент

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ Г.ЩЕРБАКОВОЙ

Стаття присвячена аналізу деяких аспектів поетики Г.Щербакової (на прикладі діалогії „Слабких несе вітер“). Розглядаються граматичні особливості художньої мови письменниці.

Проблемы стилистики с каждым годом привлекают к себе внимание все большего круга лингвистов и литературоведов, а сама стилистика, с одной стороны, все более дифференцируется и распадается на отдельные специализированные дисциплины, а с другой - усиливается взаимовлияние разных отраслей знания, которое ведет к появлению новых синтетических разделов, объединяющих данные разных дисциплин. Однако главным предметом стилистического изучения был и остается текст произведений художественной литературы. Существуют многочисленные работы, в которых рассматриваются как теоретические, так и практические вопросы, касающиеся и определения поэтического языка, стиля, индивидуально-авторского стиля, и выявления особенностей идиостиля какого-то конкретного писателя, своеобразия поэтики литературного направления и т. д. Но все-таки многие проблемы, связанные с поэтикой и стилистикой, до сих пор не решены.

Безусловно, целостность художественных образов создается единством лексических, словообразовательных, грамматических средств, которые выполняют в тексте различные функции, но в своей совокупности и во взаимодействии создают своеобразие поэтической речи, составляющей поэтику произведения.

В русской литературе конца XX - начала XXI вв. выделяется имя замечательной писательницы Галины Щербаковой, творчество которой еще не стало предметом специального изучения. Цель данной статьи - выявить грамматические особенности